

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ПЕРВЫЙ ЦИКЛ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

- I. Соборность, начало и крах государственности
- II. Господство раннего умеренного авторитаризма
- III. Новая государственность и господство идеала всеобщего согласия
- IV. Крайний авторитаризм и зрелость раскола
- V. Поздний идеал всеобщего согласия и либерализм
- VI. Поздний умеренный авторитаризм
- VII. Соборно-либеральный идеал и новая катастрофа

ГЛАВА I

СОБОРНОСТЬ, НАЧАЛО И КРАХ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

КАК ВОЗНИКЛО ГОСУДАРСТВО

Догосударственное общество, которое можно рассматривать как множество локальных миров, испытывало возрастающее дискомфортное состояние из-за усложнения жизни, внешних конфликтов, роста междоусобиц. В этих условиях нужна была иная, более сложная социальная организация. Ее воспроизводство могло происходить лишь на базе адекватного культурного основания, которое может быть только результатом накопления культурного богатства. Его использование опиралось в первую очередь на *экстраполяцию*, т. е. способность людей истолковывать нечто новое в представлениях, понятиях старого, уже известного, в формах сложившейся культуры. Например, индейцы Америки, впервые увидевшие лошадь, осмыслили ее как большую свинью, т. е. перенесли исторически сложившиеся представления на новое осмысляемое явление. Оно было тем самым интегрировано в соответствующую (суб)культуру, что было предпосылкой рассмотрения этого явления как комфортного. Теперь оно не вызывало замешательства, негативной реакции. Экстраполяция — важнейший механизм, обеспечивающий господство комфортного идеала, приобщение к нему личности, предотвращающий рост социокультурного противоречия между социальными отношениями и культурой. Этот механизм заложен в большом законе семантизации, по которому такие понятия, как «раб» или «царь», существовали до рабства и до царской власти¹.

Экстраполяция как логическая форма открывала возможность распространить ценности локального мира на значительно большую сферу социальной реальности, воспроизводить государственность по образу и подобию патриархальной семьи,

¹ Фрейденберг О. М. Миф и литература древности. М., 1978. С. 45.

локальных сообществ. Это открывало путь к возникновению нового для человечества феномена — к формированию государственности, хотя и на основе неадекватных ей культурных форм, но в тех формах, которые были близки и понятны людям, выходящим из догосударственного и безгосударственного состояния. Вече, как собрание в рамках локального мира, выступило основой при формировании собрания локальных миров, собрания племен, всех частей *возникающего большого общества*. Вечевые идеалы локальных миров при возникновении государственности, большого общества могли быть единственной нравственной основой.

В вечевых собраниях участвовали прибалтийские, финно-угорские и другие племена, составлявшие коренное население данной территории, а также пришельцы, которым дозволялось селиться на ней,— берендеи, печенеги и др. Необходимость управлять более крупными, нежели локальный мир, образованиями приводила к формированию иерархии вечевых институтов. Большому миру, как писал И. Д. Беляев, «подчинялись средние миры, а средним меньшие, так что каждый мир подчинялся вече того мира, к которому он тянул по земле и воде, или иначе — на земле которого он стоял». Вече управляло сельской общиной, но оно могло охватывать большие миры, т. е. город с тяготеющей к нему территорией. Оно могло охватывать племя. В городе, кроме общегородского вече, могло существовать также вече улиц и концов города. Причем этим мирам свойственна внутренняя однородность независимо от их размеров. И. Д. Беляев говорил о «внутреннем, более или менее одинаковом устройстве общественной жизни на всех ступенях общества, начиная от старшего города до семьи»². Эта «одинаковость» была результатом экстраполяции.

Русские историки XIX века, тяготеющие к славянофильству, обращались к специфическим формам жизни древних славян как к основе русской государственности, видя в них определяющий для последующей русской истории фактор. И. Е. Забелин писал: «Род налагал свой нравственный отпечаток на все социальные отношения в обществе, вносил всюду родственные отношения, придавая власти царя отеческие черты, устанавливал братские отношения». По мнению К. Аксакова, И. Беляева, В. Лешкова, древняя общинность легла в основу сельской сходки, вечевое собрание, земского собора. «Отличительное свойство нашего народа, сообщившее особенность его истории, состоит в общинности, в общинном быте, в способности составлять общины и постоянно держаться общин-

² Беляев И. Д. Судьбы земщины и выборного начала на Руси. М., 1905. С. 13.

ного устройства, порешая все при посредстве общины»³. В основе общины лежит «семейное складство, „печище“, и следы такого семейного происхождения общины не всегда затерлись еще и в XVII в., если обратить внимание на прозвища поморских крестьян»⁴. Беляев объясняет самый процесс объединения Руси воздействием общины. Общинный порядок сохранялся тем вернее, чем ненадежнее и бедственнее была жизнь русско-крестьянина.

К. Кавелин выводит русскую государственность из рода: «В основе всех частных и общественных отношений лежит один прототип, из которого все выводится, — именно двор или дом, с домоначальником во главе, с подчиненными его полной власти чадами и домочадцами. Это, если можно так выразиться, древнейшая, первобытная и простейшая ячейка оседлого общежития. Этот начальный общественный тип играет большую или меньшую роль во всех мало развитых обществах; но нигде он не получил такого преобладающего значения, нигде не удержался в такой степени на первом плане во всех социальных, частных и публичных отношениях, как у великороссов»⁵. По мнению К. Кавелина, родовой быт пропитал все явления русской жизни, с чем полностью соглашался и С. Соловьев. Все более поздние и сложные формы социальных отношений, сообществ формировались на базе синкретического идеала, его социокультурной ячейки. Иначе и быть не могло, поскольку древние славяне никакого иного идеала не знали. Эти социальные структуры экстраполируются через культуру.

Язык древних славян позволяет полагать, что все свои взаимоотношения славяне истолковывали через родственные отношения. «Посмотрите же, как крестьяне понимают свои отношения между собою и к другим. Помещика и всякого начальника они называют *отцом*, — себя — его *детьми*. В деревне старшие летами зовут младших *ребятами*, *молодками*, младшие старших — *дядями*, *дедами*, *тетками*, *бабками*, ровные — *братьями*, *сестрами*. Словом, все отношения между родственниками сознаются под формами *родства* или под формами, прямо из него вытекающими... В древнейшие времена русские славяне имели *исключительно* родственный, на одних кровных началах и отношения основанный быт... В эти времена о других отношениях они не имели никакого понятия, и

³ Мешков В. Русский народ и государство. История русского общественного права до XVIII века. СПб., 1858.

⁴ Богословский М. М. Земское самоуправление на русском севере в XVII в. М., 1912. Т. 2. С. 105.

⁵ Кавелин К. Д. Мысли и заметки о русской истории // Вестник Европы. СПб., 1866. Июнь. С. 349-350.

потому, когда они появились, подвели и их под те же родственные, кровные отношения»⁶. В. Лешков находил слова «челядь», «холоп», «раб» созвучными словам, обозначающим происхождение. Первоначальный смысл слова «князь» — отец, основатель рода. Новобрачных, как основателей новой семьи, именуют князем и княгиней. Глава рода мог носить название старца, жупана, владыки, князя. С. Соловьев полагал, что слово «князь» происходит от того же корня, что и латинское слово «генитор» — «родитель». Представление о первом лице складывалось под непосредственным влиянием этих отношений, образа отца, который должен заботиться о своих детях, опираясь на свой авторитет, на авторитарный характер своей власти, на казавшийся естественным свой престиж.

Тотемизм несет в себе громадный, исключительно стойкий культурный потенциал. Развитие тотемизма приводит к тому, что центральным героем мифов-преданий становится «потомок» тотемных предков. Возникает способность отчленять тотем от его потомков, которые, однако, несут на себе функции тотема. На этой основе формируется возможность рассмотрения царя, вождя как носителя функций тотема. Например, в Древнем Египте основными тотемами были бык, сокол и лев. Они были неразрывно связаны с царем. Сокол был также и одним из тотемов славян. Он стал княжеским знаком, изображался, в частности, на монетах Рюриковичей X-XI веков. Образ сокола соответствует символике «Слова о полку Игореве», где он обозначал того или иного князя. «Сокол» в эпическом творчестве находится в оппозиции к «черному ворону»⁷. В культуре не было запретов на перенос, экстраполяцию того или иного представления о тотеме на первое лицо, от локальных первобытных сообществ на князя, в конечном итоге, на первое лицо государства. Это создавало культурную основу для формирования большого общества, государства на базе неадекватной этой задаче тотемно-родовой культуры.

ЧТО ТАКОЕ БОЛЬШОЕ ОБЩЕСТВО

Специфика большого общества заключается в том, что оно уже не может, в отличие от локального сообщества, опираться лишь на группы людей, которые все лично знают друг друга, находятся в эмоциональном контакте. В большом обществе отношения между ними неизбежно приобретают абстрактный ха-

⁶ Кавелин К. Д. Наш умственный строй. М., 1989. С. 15-16.

⁷ Криничная Н. Я. Персонажи преданий: становление и эволюция образа. Л., 1988. С. 17.

рактер, т. е. на эмоциональные личностные отношения накладываются абстрактные безличностные. При этом люди древности могли думать, что, формируя вече большого масштаба, они остаются жить в локальном мире.

Здесь следует обратить внимание на возникающие в результате *экстраполяции* различия между массовыми представлениями о своем сообществе, сложившимися в культуре, и реальностью этого общества, реальными социальными отношениями. Например, возникающая государственность может опираться на некоторое меньшинство, которое в своих действиях апеллирует к реальной или мнимой внешней опасности, активизирует массовое представление об угрозах антитотема. Возникает государство, которое и есть особая организация власти, сознают ли это люди или нет. Но вместе с тем в обществе возникают и различные социокультурные группы, имеющие различные, подчас противоположные представления о государственности. Возникают социокультурные противоречия, возможность нарушения социокультурного закона, которое в конечном счете неизбежно порождает в обществе очаги дезорганизации, источники социальной энтропии. В. Ключевский на примере вечевой системы убедительно показал, как возникают такие очаги дезорганизации, как в большом городе вечевая система спонтанно перерастает в мятеж, в анархию, в дезинтеграцию. У новгородского веча «мятеж был единственным средством сдерживать правительство, когда оно, по мнению народа, угрожало народному благу». Город оказывался под угрозой распада: «При неумелом или своекорыстном обращении центра с местными мирами эта общность политической основы стала причиной земской розни в Новгородской области. Неурядицы и злоупотребления, шедшие из Новгорода в пригороды и волости, побуждали их стремиться к обособлению, а местная автономия давала к тому возможность... В минуту последней решительной борьбы Новгорода за свою вольность не только Псков и Вятка, но и Двинская земля не оказали ему никакой поддержки или даже послали свои полки против него на помощь Москве». Хотя «ни в каком другом краю древней Руси не встретим такого счастливого подбора условий, благоприятных для широкого развития политической жизни,— пишет Ключевский,— непримиримые противоречия политической жизни Новгорода стали роковой причиной внутреннего разрушения его вольности»⁸.

Перерастание процесса принятия решений в конфликт объяснялось прежде всего тем, что институт веча, когда он

⁸ Ключевский В. О. Сочинения. М., 1957. Т. 2. С. 91, 99, 97-98.

объединял такую большую социальную организацию, как Новгород, не мог обеспечить его интеграцию: архаичная форма не соответствует масштабу подлежащих решению проблем. Так конкретно проявлялось социокультурное противоречие между древней культурой и новыми социальными отношениями. Шла ожесточенная борьба между городом и локальными мирами. Даже Новгородские восстания XII — начала XV века сохраняли в значительной степени черты борьбы между «концами». Пример Новгорода показывает, что на пути к большому обществу возникают острые противоречия.

Экстраполяция никогда не выступает в чистом виде. Она всегда амбивалентно связана с другим полюсом — с *интерпретацией*, которая, как и экстраполяция, есть всеобщий атрибут человеческого мышления, а в конечном итоге и воспроизводства. Субъект интерпретации — отнюдь не только элита общества, но и люди вообще, которые своей повседневной деятельностью в конечном итоге решают, какие именно социальные отношения воспроизводить, питать своей социальной энергией, а какие можно оставить на произвол судьбы как чуждые, непонятные, дискомфортные. Логически преодоление противоречия между полярными категориями происходит в процессе поиска меры между ними. Близость этой меры к древним ценностям создает предпосылки для того, чтобы племенные ценности выступали как основа для институтов, выходящих за локальные рамки, для государства, самодержавия и т. д. Процесс осмысления — напряженный поиск меры для преодоления полюсов дуальной оппозиции, и в процессе этого поиска мера каждого акта осмысления, проходящего в рамках вечевых идеалов, смещается либо к полюсу экстраполяции, что в данном случае означает тяготение к ценностям локального мира, либо к интерпретации, что может открыть путь к осмыслению ценностей большого общества. Любое смещение меры в ту или другую сторону, очевидно, свидетельствует, что в обществе всегда существует альтернатива. Альтернативность выбора имеет повседневное, жизненно важное значение для общества, для деятельности каждого его члена. Вместе с тем она свидетельствует о постоянной возможности разрушения чистоты древнего синкретизма, слепой веры в природный тотем, что, однако, не означает его уничтожения как ценности, как некоего страстно желаемого идеала, как устремления к милому идеализированному детству. Альтернативность свидетельствует о необходимости смещения меры к полюсу интерпретации, о

⁹ Алексеев Ю. Г. «Черные люди» Новгорода и Пскова (К вопросу о социальной эволюции древнерусской городской общины)// Исторические записки. М., 1979. № 103. С. 270.

неизбежности подведения под государственность адекватной ей культуры, о тенденции к снятию социокультурного противоречия. Возможность такого сдвига в переосмыслении исторически сложившейся культуры, унаследованного нравственного идеала является одной из форм человеческой свободы, позволяющей не только следовать прошлому, но и противостоять инерции истории. Следование социокультурному закону в большом обществе, особенно в условиях, когда в значительной степени господствуют догосударственные, локальные формы культуры, превращается в сложную и мучительную задачу. Интерпретация, как и экстраполяция, их взаимопроникновение в процессе поиска меры между ними — важнейшая и сложнейшая логическая, культурная, психологическая и одновременно социальная проблема, особенно на ранних этапах развития большого общества.

Большое общество несет в себе опасность больших конфликтов, опасность необратимой дезорганизации, катастрофы. Поэтому его существование, воспроизводство возможно лишь при условии, что одновременно со своим становлением оно создает достаточно эффективные средства для предотвращения стихии, дезорганизации. Важнейшее из таких средств — государство как организационное воплощение интеграции общества, как объединяющий его костяк. Государство — *медиатор*, т. е. некоторый механизм, постоянно нацеленный на интеграцию общества. Медиатор и государство в принципе тождественны. Однако в определенных социально-исторических условиях роль медиатора могут выполнять и другие, весьма разнообразные социальные институты (партия, церковь, профсоюзы и т. д., потенциально — все общество).

Для обеспечения интеграции общества в сложных, постоянно изменяющихся условиях государство должно все время решать *медиационную задачу*. Последняя является особым частным случаем преодоления социокультурного противоречия, следования социокультурному закону. Решать медиационную задачу — это значит преодолевать противоречия между массовым сознанием, т. е. культурой, господствующей в обществе, точнее ее массовой основой, и интеграцией общества, его организационной формой.

Медиатор — специализированный орган, нацеленный на поиск меры между конфликтующими силами. Большое общество может существовать лишь тогда, когда социальные отношения, организация целостности воспроизводятся членами общества. Если не всеми, то во всяком случае большинством, его достаточной частью. Без хотя бы слабого массового тяготения к воспроизводству большое общество и государственность

существовать не могут. Социальная функция медиатора — превратить это слабое стремление посредством простых, а возможно и сложных методов в опору, ресурс, источник социальной энергии для собственного воспроизводства. Трудность решения медиационной задачи заключается в том, что культурная программа массового сознания может носить утопический, догосударственный характер. Например, в массовом сознании может господствовать представление, что большое общество создается лишь путем пространственного раздвижения локального сообщества, увеличения его состава. Между тем увеличение масштабов любой системы требует качественных изменений в ней. Медиатор, государственность призваны в любой ситуации решить эту задачу. Этот процесс возглавляется *правящей элитой*, т. е. особым социальным слоем, субкультура которого включает ценность государственной жизни. Профессиональная функция этого социального слоя — управление, обеспечивающее социальную интеграцию. Медиатор возможен и необходим в диапазоне условий, теоретически ограниченных, с одной стороны, полным нежеланием, неспособностью людей поддерживать, воспроизводить государство, полным отсутствием ценностей большого общества в культуре людей, что исключает возможность государства, с другой — максимальным развитием среди граждан культуры, включающей эти ценности и делающей особый бюрократический слой излишним. Понять специфику государственности в любом случае можно, лишь определяя степень ее приближения к тому или иному граничному условию.

Государство необходимо в той степени, в какой граждане не в состоянии, не хотят, не могут решить задачу интеграции в масштабе общества в интересах всей страны, замыкаются в своих локальных мирах, преследуют свои узкие цели. Но при этом они могут передавать, делегировать первому лицу, бюрократии возможность управлять обществом. Государство было бы не нужно, если бы люди расценивали ценности целого как свои собственные, если бы конструктивная напряженность личности совпадала с конструктивной напряженностью общества. Решение медиационной задачи может оказаться неимоверно трудным, если сознание масс тяготеет к догосударственным ценностям, когда ценности большого общества в культуре слабы и односторонни. Оно требует постоянного нахождения меры для соединения организации общества и культуры, для отхода от манихейских крайностей, для повседневной, подчас мучительной работы над углублением культуры, совершенствованием организационных форм интеграции общества.

Медиатор может столкнуться с ситуацией, когда вектор конструктивной напряженности широких масс оказывается весьма далеким от вектора конструктивной напряженности, способного обеспечить интеграцию. Возможна ситуация, когда развитие ценностей интеграции, ценностей укрепления центральной власти в глазах масс будет выглядеть как дискомфортный процесс, как действие сил мирового зла. В этой ситуации каждый шаг, предпринятый для укрепления порядка, воспринимается массами как рост хаоса, дезорганизации. Две силы общества — та часть общества, которая склонна к формированию государства, и широкие массы, не склонные искать меру единства,— вступают в конфликт, часто ожесточенный, толкающий к катастрофе. Рост сложности проблем неизбежно толкает людей не только к экстраполяции, но и к интерпретации сложившихся форм жизни, культуры, социальных отношений, вечевое нравственного идеала, к поиску альтернативы ему в форме соборного и авторитарного идеалов.

История человечества показывает, что далеко не каждый медиатор находится на высоте своих задач. Об этом говорят многочисленные примеры гибели могущественных государств. Катастрофам предшествовали усиление социальной энтропии, дезорганизации, падение способности социальных институтов обеспечивать интеграцию, следовать социокультурному закону, решать жизненно важные задачи в условиях усложнения общества.

ГОСПОДСТВО СОБОРНОГО ИДЕАЛА

Определенная степень свободы в поиске меры преодоления оппозиции экстраполяции и интерпретации в процессе воспроизводства большого общества означает, что в этом процессе возможны односторонние решения. Экстраполяция вечевое идеала в условиях большого общества может перерасти в интерпретацию, направленную на одностороннее преувеличение значения соборного аспекта и игнорирование авторитарного. На этой основе при возникновении первой государственности на Руси происходил отход общественной жизни от ситуации «одинакового устройства на всех ступенях общества»¹⁰. Оба начала, очевидно, всегда в какой-то степени конкурировали между собой на локальных уровнях. «По мере того, как возрастала особенность семей и они вживались в свои особенные интересы, единство общин продолжало ослабевать. Власть из рук общинных старейшин переходит к главам семейств, к ста-

¹⁰ *Беляев И. Д.* Судьбы земщины и выборного начала на Руси. С. 13.

рейшинам отдельных, родственных союзов. Наконец первые исчезают и избираются только в случае войны или опасности. Их место заступают вечевые собрания»¹¹, что, однако, приводит к росту междоусобиц.

Негативные последствия прямой экстраполяции заставляли людей прощупывать разные варианты отхода от прямолинейности следования старому идеалу в новых условиях. Государственность могла образоваться в результате попытки сместить идеал к соборному полюсу, соответствующему перераспределению престижей. Это обстоятельство не нашло должного понимания в исторической науке, которая слишком часто односторонне пыталась изобразить историю России в авторитарном ключе. Институту веча, понимаемому как противоположность авторитаризму, не повезло в русской исторической науке. Еще древние летописцы видели в нем проявление «силы ненавистника человеческого рода». Большинство русских историков, за исключением И. Беляева, В. Сергеевича, невысоко оценивали этот институт. Крупнейшие русские историки С. Соловьев и В. Ключевский не видели ни в вече, ни в земских соборах органических элементов русской жизни. Община представляла для них интерес лишь в первоначальных ее формах. Советская историческая наука также давала весьма смутное представление о роли синкретического веча, его массовых интерпретаций в истории страны.

Специфика соборного идеала хорошо просматривается в памятнике древнерусской литературы конца XII века «Слово о полку Игореве». Его идеал — единство, братский союз князей. Причина неурядиц в стране лежит не в той или иной организации общества, но в характере и поведении князей, в отсутствии у них единства, соборного согласия, в том, что они «розно несут» Русскую землю. Идеал автор «Слова» видит в том, что «князья возродят былое единство, верность крестному целованию, что брат перестанет говорить брату: „Се мое, а то мое же“. Поэтому автор „Слова“ не только осуждает князей как виновников „невеселой години“, но и прославляет их как будущих спасителей Русской земли»¹². Идеалом, следовательно, является своеобразное вече глав локальных миров, собрание князей, олицетворяющих части единой страны¹³. О единовластии одного князя над страной не могло быть и речи.

¹¹ Кавелин К. Д. Наш умственный строй. С. 27.

¹² Лотман Ю. М. «Слово о полку Игореве» и литературная традиция XVIII — начала XIX века // «Слово о полку Игореве» — памятник XII века. М.; Л., 1962. С. 341.

¹³ «Съезды князей... соответствуют вечам в истории общин» (Кавелин К. Д. Наш умственный строй. С. 34).

Государственность, следовательно, формировалась как экстраполяция на ее вершину соборного института, т. е. власти над страной династии, которая осуществляла некоторое подобие коллективного управления, где, однако, местнические интересы преобладали над общими. Единовластие единого князя над всей страной существовало как некоторый находящийся на заднем плане нравственный идеал. В. Ключевский писал: «Единовластие до половины XI в. было политической случайностью, а не политическим порядком...» Если единовластие и имело место для княжения Ярослава, то после его смерти оно не повторялось; никто из его потомков, по свидетельству летописи, не принимал «власть русскую всю», не был «самовластцем Русской земли»¹⁴. И далее, Ключевский так характеризует статус князя в этой ситуации: князя «видели в себе не столько владетелей и правителей Русской земли, сколько наемных кормовых охранителей страны, обязанных „блюсти Русскую землю и иметь рать с погаными“. Корм был их политическим правом, оборона земли их политической обязанностью, служившей источником этого права, и этими двумя идеями исчерпывалось все политическое сознание тогдашнего князя»¹⁵.

Варяжские князья ограничивались военной деятельностью и взиманием дани, на первых порах принимая минимальное участие во внутриплеменных делах славян. В X веке у князя не было права суда, но он мог выступать как третейский судья в вечевых спорах. Население видело в фигуре князя символ единства и благополучия его подданных. Однако князь не правил самовластно даже в собственной дружине. Соборный идеал господствовал не только в массовом сознании, но и в княжеском окружении. Окружавшие его бояре составляли своего рода вече при князе, без которого он был не вправе выносить важные решения. «Оторвавшаяся от общины, дружина воспроизводила общинные порядки в своем внутреннем устройстве»¹⁶.

Смерть князя-отца означала, видимо, разрыв всех политических связей земель, в которых княжили его сыновья. Младший князь, недовольный действиями великого князя, мог не подчиняться его воле. Эта система не выдержала давления локальных устремлений. Власть князя была ограничена. В обществе не развивались представления о безусловной верности князю. Соборные институты могли не только удалить князя,

¹⁴ Ключевский В. О. Сочинения. М., 1956. Т. 1. С. 169-170.

¹⁵ Там же. С. 178.

¹⁶ Кобрин В. Б., Юрганов А. Л. Становление деспотического самодержавия в средневековой Руси: К постановке проблемы// История СССР. 1991. №4. С. 55.

но и разграбить его двор и даже убить его. Спустя два года после призвания на княжество Рюрика ему пришлось пойти на военное столкновение с новгородцами. Общеизвестен конфликт князя Игоря с племенем древлян, приведший к гибели Игоря. Один из договоров, заключенных новгородцами с князем, гласит: «А самосуда ты, князе, не замышляти». Князь ставился в зависимость от условий договора и должен был подчиняться голосу веча. Согласно соборному идеалу, он выступал как родоначальник, власть которого ограничивалась властью народной Правды. Институт веча фильтровал, задерживал те культурные мутации, которые содержали угрозу авторитарности, тем самым население защищалось от произвола княжеских слуг. Епископ Симеон Тверской (XIII век) писал, что княжеские слуги способны «напуститься на людей ради денег, как голодные псы на мясо». Защиту населения обеспечивали городские и сельские общины, а также система открытого судопроизводства. На сходах княжеские слуги могли получить серьезный отпор.

Киевская Русь — яркая страница в истории страны, время относительно высокой общественной активности. Политическая жизнь в городах была ключом. Население видело в проблемах города, княжества свои личные проблемы, острые политические моменты (например, случаи обвинения в ереси) будоражили всех, широко обсуждались на торгу, на улицах. Согласно летописным свидетельствам, вече, противостоящее князьям, характерно для всех городов Киевской Руси. В таких городах, как Киев, Новгород, Ростов Ярославский, Владимир, вече правило городом, ставило и низвергало князей. Из 50 киевских князей 14 были приглашены вечем. Оно представляло главную политическую силу, которая вправе была требовать от князя тех или иных мероприятий. Иногда вече самостоятельно проводило мирные переговоры, устанавливало размеры денежных сборов. Деспотические тенденции княжеской власти, стимулируемые требованиями обороны, смягчались, парализовались традициями общей ответственности, идущей из глубин истории. Княжеская власть следовала соборному принципу не только по необходимости, но и по убеждению. И. Беляев заметил, что в княжеских междоусобицах тот князь оказывался сильней, кто опирался на вече. Стремление князя к единению с вечевой организацией нашло яркое выражение в княжении Владимира Мономаха (1113-1125). Сознание важности такого единства унаследовали преемники Владимира. В это время была даже попытка созыва общерусского веча.

ПЕРВАЯ КАТАСТРОФА

Итак, возникновение государственности, большого общества означало возникновение конструктивной напряженности, где позитивный полюс — соборность как высшая ценность. Другой полюс связан с оценкой авторитарного начала, воплощаемого во власти князей, которая не должна выходить за рамки господства соборного идеала. Выход княжеской власти за рамки соборности к авторитаризму возбуждал дискомфортное состояние, отпадение от княжеской власти.

Тем не менее сложившийся порядок не гарантировал от роста социокультурных противоречий. Большое общество, государственность оказались пропитаны локалистскими принципами. Возник разрыв между культурой, тяготеющей к большому обществу, и социальными отношениями локального типа. Соборные институты по своей природе основаны на принципе непосредственных эмоциональных связей людей, знающих друг друга и потому внутренне не готовых воспринимать большое общество и обеспечивать его воспроизводство. Целое осталось без поддержки основной части общества, без эффективных институтов. Распределение престижей соборного идеала было таково, что локальные силы ослабляли князей, их съезды. Сила варяжских дружин позволяла князьям противостоять силам локализма, но процесс растворения варягов среди местного населения ослаблял возможности такого рода. Вся жизнь пронизывалась локализмом, правящий слой не только не мог бороться против этого, но сам был под властью догосударственных ценностей. Возрастала тяга князей к вотчине, склонность прежде всего получить отцовское наследие. Это имело по крайней мере два важных последствия: усиливало распад уделов, общий поток локализма, но одновременно создавало локальную организацию, в пределах которой усиливался и стимулировался авторитаризм, и вместе с тем для него возникали организационные основания.

Со смертью Ярослава фактически окончилась зависимость князей от Киева, страна распадалась, княжеские династии и отдельные князья враждовали между собой, авторитет княжеской власти падал, уделы дробились подчас до мизерного размера. В XII веке страна представляла собой несколько слабо связанных между собой территорий. Князья нападали на соседние княжества, выжигали села, грабили и истребляли запасы, убивали людей. Цель нападений состояла не в территориальных захватах, а в добыче пленных — собственных соотечественников — для продажи их в рабство. Участились нападения на русские земли извне. «Под гнетом этих тревог и

опасностей, при возрастающих усобицах князей почва общественного порядка в Киевской Руси становится зыбкой, ежеминутно грозившей погромом; возникло сомнение в возможности жить при таких условиях»¹⁷.

После смерти сына Владимира Мономаха Мстислава (1125—1132) единое древнерусское государство прекратило свое существование. Сам Киев пал жертвой междоусобиц; в 1169 году он был приступом взят несколькими князьями и беспощадно разграблен. Не пощадили ни женщин, ни детей, ни храмов. Население массами покидало страну, уходило на Запад — в Галицию, Польшу, а также на северо-восток, в Суздальский край. Татаро-монгольское нашествие 1237—1240 годов застало страну в раздроблении и запустении. После подчинения Северо-Восточной Руси Золотой Орде остальная часть русских земель была завоевана литовцами, которые не встретили значительного сопротивления.

Попытка создать устойчивую государственность, систему интеграции общества, решить медиационную задачу окончилась неудачей. Это объяснялось неэффективностью попыток положить в основу воспроизводства государства, организации управления большим обществом соборный идеал, который по самой своей сути был эффективным лишь в локальных сообществах. Его экстраполяция на большое общество должна была быть дополнена углубленной интерпретацией, отвечающей специфике качественно новой задачи. Однако для ее решения не хватило сил. Для этого общества были характерны определенные тенденции формирования феодализма. Однако результат мало походил на европейский феодализм с его сочетанием вассалитета и феода, корпоративностью, формированием трех уровней иерархии общества: массового слоя локальных сообществ (общин), слоя среднего уровня (собственников, устойчивых владельцев средств производства — земли, получающих за нее ренту и осуществляющих власть над нижним уровнем в своих регионах) и высшей власти (сакральной точки, воплощающей единство страны). Контуры этого порядка на Руси лишь просвечивались как некоторая возможность. Верхний уровень не сложился, средний обанкротился в ходе междоусобиц, нижний оказался под угрозой потери национального существования. Произошла первая в истории страны национальная катастрофа, связанная с необратимой дезорганизацией, с распадом, с конфликтом частей общества между собой, с беспомощностью перед внешней силой.

¹⁷ *Ключевский В. О. Сочинения. Т. 1. С. 280.*

Внутренняя слабость и дезорганизация, неспособность разрешить социокультурное противоречие между потребностью в социальной организации большого общества и сложившимся господствующим соборным идеалом явились причиной национальной катастрофы. Завоевание земель Киевской Руси Золотой Ордой и Великим княжеством Литовским было лишь следствием этого.